

СОВЕТСКОЕ ВОСПИТАНИЕ

Из трапезной храма подкармливают бомжей. Повариха выносит им на улицу кастрюлю с супом. Минута – суп проглочен. С пустой посудиною в руках стучится в двери пьяненькая пожилая бомжиха, говорит деловито: «Второе пожалуйста! И десерт!»

КАПЕЛЬКА

Когда-то во время срочной службы Жоржа в армии его на спор прокрутили на лопасти винта вертолѐта, и с той поры жизнь вращала и вертела бедолагу, бросала в разные стороны. Кончилось тем, что перед самым выходом на пенсию оказался Жорж у нас на приходе, бобыль бобылѐм, единственная родня – брат в деревне, да и тот бродягу Жоржа отказался принять.

Всѐ хозяйство и богатство Жоржа – допотопный обшарпанный чемодан, набитый всякой бесполезной всячиной, обмотанный цепью, замкнутой на всякий приличных размеров замок. Притулившись к приходу, Жорж взирал на молодого настоятеля как на бога. Пономарничая – прислуживая в алтаре, он разинув рот ловил каждое слово того. Да вот беда – седая башка у пожилого Жоржа была с порядочной дырой: что влетало туда, тут же, без толку пошабарошившись, вылетало обратно.

Настоятель молодой, горячий: Жорж от его раздражѐнных окриков и упрѐков тычется растерянно во все углы, словно слепая курица. И смех и грех! «Уйду! Уйду! Уйду! – отходя от службы, скулит забитой псиной в укромном местечке умаявшийся Жорж, однако же на следующее утро опять ожидает смиренно настоятеля.

Смотрят все на беднягу жалеючи: точь-в-точь готовый услужить господину послушливый раб – от усердия и беготни аж подмѐтки сапог того гляди задымятся! Но не так прост наш Жорж! В запертую дверь алтаря снаружи пытается постучаться диакон: обе руки поклажей заняты.

– Отопри, Жорж!

– Не инвалид! В другую дверь обойдѐшь! – ворчит недовольно Жорж и не трогается с места. Что ж, каждый по капельке выдавливает из себя раба...

ПОДРОСТОК

Старый заслуженный протоиерей, бородача с проседью вразлѐт, был нрава сурового, жѐсткого: слово молвит – в храме все трепещут. А у его сына Алика пухлые щѣки надуты, будто у ангелочка, румянянькие, глаза добрые, бесхитростные. Увалень увальнем. Батька не церемонился долго: повзрослевшему сынку предопределил семейную стезю продолжать. Заболвил, где надо, веское своё словечко, и готово: Алик – поп.

Не стал парень отцу перечить – молодец, но только рановато ему было крест иерейский надевать. Служил отец Алик в храме исправно – с молодых ногтей всё впитано. Да вот только приключилась беда или недоразумение вышло: обнаружили у молодого батюшки две вроде бы взаимоисключающие друг друга страсти – велосипеды и компьютеры.

В свободные часы Алик до изнеможения по дорогам за городом гоняет, вечерами за компьютером зависает. Утречком мчится он на службу на своём велике, влетает в ворота церковной ограды, весело кричит:

– Смотри, отец диакон, как я без рук могу ездить!

И выписывает кривули по двору, только крест между раскрылившись пол курточки на его груди поблёскивает.

Бабки-богомолки озираются, испуганно сторонятся и торопливо крестятся. Юная матушка у Алика – не тихоня, не прочь молодого мужа на увеселения какие-нибудь затащить, хоть на дискотеку. Рвал, рвал себя Алик пополам, да и однажды не выдержал: пошёл в епархиальное управление и прошение «за штат» на стол положил.

– Не дорос я... Подрасту – вернусь!

Проявился-таки полученный по наследству отцовский непримиримый характерок! Старого протоиерея спрашивали, бывало, потом про сына.

– Компьютерную фирму открыл, соревнования в Москве выиграл, – чуть заметно смущаясь и будто бы оправдываясь, говорил протоиерей. – Но... вернётся ведь ещё, даст Бог!

ЦЕНА ЛЮБВИ

Прихожанка, учительница из соседней школы, стоит на службе в храме сама не своя. Потом рассказывает, расстроенная:

– Я классный руководитель у пятиклашек. У них – пора первых чувств друг к дружке, только вот выразить их не знают как. Мальчишка дёрнул приглянувшуюся девчонку за косу, а та в ответ – его за рубаху. Рубашка – сверху до низу тресь по шву! Выразили чувства!

Вечером родительское собрание. И сразу проявилось социальное расслоение. Мальчик – сын банкира, а у девчонки мать – простая рабочая на молокозаводе. Банкир, сытый, холёный, уверенный в себе мужчинка, приносит злосчастную рубашонку и расправляет её, располосованную, напоказ, на общее обозрение. «Вот, дескать, какие нравы царят в современной школе!».

Классная руководительница рада бы превратить всё в шутку, но не тут-то было!

– Я хочу, чтобы виновные возместили мне убытки, а именно: испорченную рубашку заменили на точно такую же! – капризно надувает губы банкир.

– Давайте я вам деньгами заплачу! – поднимается с места худенькая, скромно одетая женщина.

– Я в деньгах не нуждаюсь! – сурово отрезает банкир. – Возместите мне в точности утраченное!

– Да простил бы... Экая для вас потеря! – пробурчал кто-то из родителей с задней парты.

– Не ваше дело! – резко обернулся в ту сторону банкир. – Для меня важна справедливость.

Купила женщина, мать-одиночка, на другой день банкирскому сыну такую же точно рубаху. Только носить ее парнишка не стал, наверное, из

«солидарности» с той девчонкой – «казнобой», которой дома от матери без сомнения основательно влетело.

Наши служители собирались у того банкира попросить денег на ремонт храма, да передумали. Хотя... может быть, и дал бы.

ПОЧТИ СВЯТОЧНАЯ ИСТОРИЯ

Дядюшка мой Паля был не дурак выпить. Служил он на местной пекарне возчиком воды, и поскольку о водопроводах в нашем крохотном городишке в ту пору и не мечтали даже, исправно ездил на своём Карюхе на реку с огромной деревянной бочкой в дровнях или на телеге, смотря какое время года стояло на дворе.

Хлебопечение дело такое, тут без водицы хоть караул кричи. Под рождественский праздник в семье нашей запарка приключилась. У мамы суточное дежурство в детском санатории, а у папы какой-то аврал на работе. Как назло. Они ж со мной, годовалым наследником, по очереди тетёшкались. Сунулись за подмогой к тёте Мане, жене дяди Пали; она, случалось, выручала, да запропастилась опять-таки куда-то, к родне уехала. Дома лишь дядя Паля, малость «поддавши», сенцом своего Карюху во дворе кормит.

– Какой разговор! – охотно согласился он, когда родители мои пообещали ему по окончании трудов премию в виде чекушки.

– Малец спокойный, не намаесси!

На том и расстались...

Соседи потом рассказывали, что понянчившись некоторое время, дядя Паля забродил обеспокоенно по двору, потом запряг в дровни Карюху, вынес сверток с младенцем.

– Это ты куда, Палон?! – окликнул кто-то из соседей.

– Раззадорили вот чекушкой-то... И праздник опять же, – скороговоркой ответил дядя Паля, залезая на передок дровней с младенцем на руках и в надвигающихся сумерках чинно трогаясь в путь.

Родители пришли за мной поздно вечером, и каков, вероятно, был их ужас, когда они увидели, как из дровней соседи за руки и за ноги выгружают бесчувственное, покрытое куржаком инея тело дяди Пали и влекут его в дом.

– А где ребёнок?

– Что за ребёнок? Карюха дорогу домой знает, дядю Палю сам привёз: что человек тебе, только не говорит.

А дядя Паля молчит, как партизан на допросе, только мычит невнятно да глаза бессмысленные тарацит. Ах как все забегали, заметались!.. В это самое время, ближе к полуночи, на пекарне бабы готовили замес. Пошли в кладовку за мукой и вдруг услышали плач ребёнка. Те, что постарше, суеверно закрестились: «Свят, свят, свят...», а помоложе, любопытнее, прислушались и обнаружили младенца в ларе с мукой.

Тетёшкали и долго недоумевали: откуда же чудо-то явилось – хорошенькое, розовенькое, пока не вспомнил кто-то про дядю Палю, видали, дескать, его в качестве няньки. А дальше бабье следствие двинулось полным ходом: с мужиками-грузчиками дядя Паля тут, возле кладовки, свой законный выходной и заодно праздник отмечал.

Стал раскручиваться клубочек... Родным находка такая в радость, рождественский подарок! Об истории этой до сих пор в городке вспоми-

нают, узнают всё, много ли я в жизни мучаюсь, маюсь, раз в муке нашли. Только об одном хроника умалчивают: как и чем был премирован мой бедный нянька дядя Паля, осталось семейной тайной.

ВЗДЫБЛЕННЫЙ

Очередное заклятие поросёнка по поздней осени становилось у нас чем-то вроде семейного праздника. Мать, жалея животину, уходила куда-то с утра и не возвращалась до полуночи. В доме по хозяйству орудовали мужики. Кроме умельца, должного порешить беднягу-хрюшку, собиралась почти вся мужская половина нашей родни в Городке. Так было и на этот раз, только трапезу по знаменательному случаю устроили в недостроенном новом доме.

Пришли дядя Паля, ещё кто-то; все с настороженностью косились на новичка в компании – племянника Пали, худощавого, с испитым бледным ликом Бориса. Он, часто ероша ладонью жёсткий ёжик отрастающих волос на голове, зыркал по-волчьи исподлобья в ответ.

Побаивались, и не зря: Борис только что откинулся после очередной ходки. Знали, за что и сидел: заготовливал он на пару с соседом в чёрной делянке лес на продажу. Сунулся однажды попроведать присыпанный снегом штабель из хлыстов, а из тех мест чужой трактор с санями поворовски улепётывает.

В кабине его Борис соседку своего узрел, двинулся навстречу яро. Сосед, ведая пресквернейший характерок компаньона, метнул в Бориса топор, но Боря увернулся и выковыривал потом обидчика из трактора крюком, которым брёвна цепляют...

Мужики за «жарким» подвыпили, поосмелели. Дородный дядя Паля даже попытался свысока неразумного своего племянничка жизни поучить, но Борис, раздражённый, сгрёб со стола вилку и воткнул её дядюшке прямо в щеку. Тот взревел медведем и, сграбастав кочергу, бросился вдогонку за досадившим ему тщедушным, но злобным шкетом.

У дома ещё не было ни пристроек, ни палисада, полный простор, и племяшу с дядей ничто не препятствовало бегать вокруг. На очередном их кружке мой папа, с войны ещё едва бродивший инвалидишко, выставил свою клюшку, и Борис, стреноженный, хряпнулся со всего маху об мёрзлую землю.

Пока он очухивался, папа мой, насев на него, захлестнул сзади ему ремнем руки, перекинул свободный конец ремня через балку в недостроенном тоже крыльчке и подтянул слабо забарахтавшегося Бориса к ней.

Бузотёр повис теперь вроде б как на средневековой дыбе. Приходя в себя, он яростно задрыгал ногами, суля порешить под корень всю «родову», плевался, изрыгая проклятия на головы несчастных собутыльников. Потом заскулил-таки от боли в вывернутых руках:

– Отпусти! Больше не буду! Клянусь!..

И как подменили мужика: стал тише воды, ниже травы. Дюже скупой своей жене приказал дать денег в долг моим родителям дом достроить. Без процентов и сроков: отдадите, когда богаты будете. Я всех тех перипетий сам не помню толком, мал был: в окно бы выглянуть, да до подоконника не дотянуться. Но ревел, говорят, перепуганный шумом и гамом, хорошим телком.

И поросят больше в нашем хозяйстве не держали...